КНИГА ЗА КНИГОЙ

И. С. Никитин

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Издательство «[illegible]ская литература»

И. С. НИКИТИН

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

СТИХИ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

Р1
Н62

Рисунки А. Парамонова

Н $\frac{70802-476}{М101(03)74}$ 140—74

СУРОВАЯ ДОЛЯ

Ровно сто пятьдесят лет назад, в 1824 году, в семье мелкого торговца Саввы Никитина родился сын. Назвали его попросту — Ваня. Мог ли кто-нибудь тогда подумать, что из мальчугана вырастет замечательный поэт, которому суждено будет прославить свой Воронеж!

Предугадать было действительно трудно. Жизнь бедного городского люда отличалась грубыми нравами и редким однообразием. Вырваться из её железных тисков было под силу только незаурядной, волевой натуре. Как раз таким человеком и оказался Иван Саввич Никитин.

Безрадостно проходили у ребёнка дни. Никитин позднее рассказал об этом в своих стихах:

С суровой долею я рано подружился:
Не знал весёлых дней, весёлых игр не знал,
Мечтами детскими ни с кем я не делился,
Ни от кого речей разумных не слыхал...

Да и от кого их было слышать? Мать, существо доброе, но тихое и забитое, хлопотала по хозяйству. Отца волновала прежде всего выручка от продажи богомольцам восковых свечей. Первоначальную грамоту преподавал Никитину... сапожник! В духовном училище и семинарии царили дикие обычаи: наставники угощали своих питомцев подзатыльниками и зуботычинами, а провинившихся сажали в карцер на хлеб и воду.

На кого мог Никитин рассчитывать? Только на себя, да ещё на двух верных союзников — книгу

и природу. К чтению он пристрастился, едва узнал от сапожника, что такое азбука. С природой подружился ещё раньше, когда летними ночами убегал к старику караульщику слушать сказки. Именно природа стала для мальчика настоящей матерью. Она воспитала его нравственно. Тенистая ракита у речного берега, языки тумана на лугах, ржаное поле с высоким солнцем и трелью жаворонков — всё это не только спасало от постылой жизни, но и пробуждало в юноше чувство художника...

Первым напечатанным произведением Никитина была знаменитая «Русь» (1853), которой открывается и наша книжка. Начинающий поэт воспевал родину, её величавые просторы, её чудесные пейзажи. Этой теме он остался верен навсегда. Невозможно представить стихи Никитина без картин обаятельной среднерусской природы. Они так и просятся на полотно живописца:

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян...

Никитин однажды написал о себе: «В царстве природы не лишний я гость...» Это очень справедливо сказано.

Современники быстро и по достоинству оценили своеобразное дарование воронежца. Особенно покорило его мужество. В поэзии Никитина было много печали и правды. Он не испугался произнести во всеуслышание горькое слово истины. «Посмотрите, как упоительно хороша окружающая нас природа, — словно говорил Никитин читателям, — и как убога человеческая жизнь! Неужели вы не замечаете голодных мужиков, убитых несчастьем вдов? А разве нет на свете деревенских ребятишек, которые пошли с сумой по миру?..» Да, Никитин страстно любил природу, но своё доброе, полное нежности сердце от-

дал всё-таки людям. Пахарь, ремесленник, бурлак, пряха, портной — эти горемыки стали главными героями его произведений.

С грустью видел Никитин, что крепостная неволя сделала бедняка покорным и терпеливым. Но он твёрдо верил: рано или поздно народ поймёт, что нельзя вечно прозябать в нищете и бесправии, и тогда сам распорядится собственным будущим.

Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор...

Участь самого поэта во многом схожа с судьбой его героев. Семинарии окончить не удалось: надо было помогать отцу в торговых делах. Несколько лет он работал на постоялом дворе, продавая извозчикам овёс и сено. И только незадолго до смерти открыл книжный магазин с библиотекой-читальней, куда часто заходила учащаяся молодёжь. Никитин понимал, что без книги трудно рассчитывать на успех в борьбе с мраком и невежеством, этими невольными спутниками жизни закабалённого народа.

Никитин не успел выполнить всех своих замыслов. Лишения и невзгоды рано подорвали ещё недавно крепкое здоровье, и он скончался в самом расцвете творческих сил (1861). Но произведения его не умерли. Они остались в человеческой памяти, и каждое новое поколение находило в них что-то для себя интересное.

Мы дорожим поэзией Никитина как частичкой нашей национальной славы.

Напевные никитинские строки всегда нравились детям — особенно стихи о природе. Лучшие из них как раз и собраны в этой небольшой книжке.

Олег Ласунский

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что́ камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что́ белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лёд
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася...

По седым морям
Из далёких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

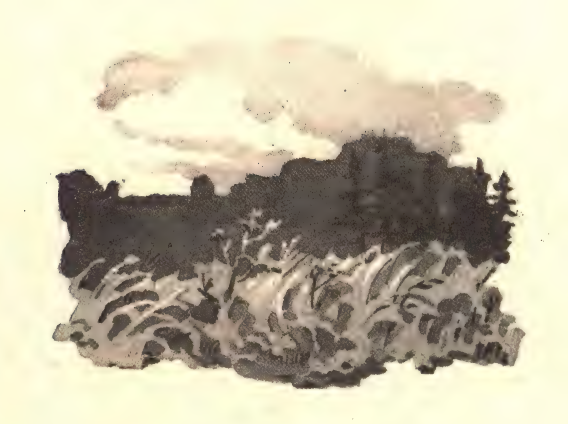
И во всех концах
Света белого

Про тебя идёт
Слава громкая.

Уж и есть за что́,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

* * *

Детство весёлое, детские грёзы —
Только вас вспомнишь, — улыбка и слёзы...
Голову няня в дремоте склонила,
На пол с лежанки чулок уронила,
Прыгает кот, шевелит его лапкой,
Свечка уж меркнет под огненной шапкой,
Движется сумрак, в глаза мне глядит...
Зимняя вьюга шумит и гудит.

Про́гнали сон мой рассказы старушки.
Вот я в лесу у порога избушки;
Ждёт к себе гостя колдунья седая —
Змей подлетает, огонь рассыпая.

Замер лес тёмный, ни свиста, ни шума
Смотрят деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце моё замирает-дрожит...
Зимняя вьюга шумит и гудит...

* * *

Первый гром прогремел. Яркий блеск в синеве,
В тёплом воздухе песни и нега;
Голубые цветки в прошлогодней траве
Показались на свет из-под снега.

Пригреваются стёкла лучом золотым;
Вербы почки свои распустили;
И с надворья гнездо над окошком моим
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкие гости! Чуть мимо идёшь, —
Торопливо головки поднимут,

Смотрят долго и зорко... Того только ждёшь,
   Что бедняжки приют свой покинут.

Как я рад им! Боюсь и окно отворять:
   Всё мне кажется, их испугаю;
Беззащитным созданьям легко помешать,
   А легко ль им живётся — я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
   И сквозь стёкла рассвет забелеет, —
Воркотнёю своей они будят меня:
   Посмотри, мол, как зорька алеет.

Стал уютней, светлей уголок мой теперь:
   Этой кроткой семьи новоселье,
Может быть, после смут, и борьбы, и потерь
   Предвещает мне мир и веселье!

* * *

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал, — и тепло и светло.

Пробудись и умойся росою,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпа́ми
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкою, тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнёзд понавьют, — посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской, от зари до зари!

Там уж лето... ложись под косою,
Ковыль белый, в угоду косцам!
Подымайся, копна за копною!
Распевайте, косцы, по ночам!

И тогда, при мерцанье румяном
Ясных зорек в прохладные дни,
Отдохни, моя степь, под туманом,
Беззаботно и крепко усни.

УТРО

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь-безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашни блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт,
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипит вода, ревёт ручьём,
На мельнице и стук и гром,
Колёса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнём летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясёт,

На камни рожь дождём течёт,
Под жёрновом муку родит,
Идёт мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый чёрт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян и сыт;
Детей забыл, жену извёл;
Барбос с ним жил, барбос ушёл...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнёздышко,
Детьми обзавелась.

Поёт, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой;
Хоть нé любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь тёмную под крылышко
Головку подогнёт
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнёт.

* * *

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

ПАХАРЬ

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой тёмною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зелёная
Спит, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то в поле голоса,
Молча во́рон на меже сидит,

Только слышен голос пахаря, —
За сохой он на коня кричит.

С ранней зорьки пашня чёрная
Бороздами подымается,
Конь идёт — понурил голову,
Мужичок идёт — шатается...

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмёшь верх над долей горькою?
Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухою коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,

Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел — тебе кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спесивятся;
Год плохой — в семье все мучатся.
Всё твой двор не поправляется,
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талан твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на́ горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночною;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встаёт,
Красным заревом лес обдаёт.

Кротко звёзд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

* * *

Село замолчало; безлюдны дороги;
Недвижно бор тёмный стоит;
На светлые воды, на берег отлогий
Задумчиво месяц глядит.

Как яркие звёзды, в тумане сверкают
Вдоль луга огни косарей,
И бледные тени их смутно мелькают
Вокруг разведённых огней.

И вторит отчётливо чуткое эхо
Уснувших давно берегов
Разгульные песни и отзывы смеха
И говор весёлых косцов.

Вот песни умолкли; огни потухают;
Пустынно и тихо вокруг;
Лишь светлые звёзды на небе сияют
И смотрят на воды и луг.

Как призраки, в зеркале вод отражаясь,
Зелёные ивы стоят
И, мерно от тихого ветра качаясь,
Чуть слышно ветвями шумят.

И в сумраке лунном, поднявшись высоко
Над крепко уснувшим селом,
Белеется церковь от изб недалёко,
Село осеняя крестом.

Спит люд деревенский, трудом утомлённый,
Лишь где-нибудь бедная мать
Ребёнка при свете лучины зажжённой
Сквозь сон продолжает качать;

Да с жёсткой постели поднятый нуждою,
Бездетный и слабый старик
Плетёт себе обувь дрожащей рукою
Из свежих размоченных лык.

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрёшь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поёт-веселится.

Он идёт да поёт,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдаёт поклоны...

Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зелёный!

Уж ты плачь ли не плачь, —
Слёз никто не видит,
Оробей, загорюй, —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли не сыт, —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживём да умрём, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умён, —
Песенка допета!

СТАРОСТА

То не туча тёмная,
По небу плывёт, —
На гумно по улице
Староста идёт.

Борода-то чёрная,
Красное лицо,
Волоса-то жёсткие
Завились в кольцо.

Пузо перевязано
Красным кушаком,
Плечи позатянуты
Синим кафтаном.

Палкой подпирается,
Бровью не ведёт;
В сапоги-то новые
Мера ржи войдёт.

Он идёт по улице —
Без метлы метёт;
Курица покажется, —
В ворота шмыгнёт.

Одаль да с поклонами
Мужички идут,
Ребятишки малые
Ко дворам ползут.

Утомился староста,
На гумне стоит,
Гладит ус и бороду
Да на люд глядит.

На́ небе ни облачка,
Ветерок-ат спит,
Солнце землю-матушку
Как огнём палит.

От цепов-то стук и дробь, —
Стонет всё гумно;
Баб и девок жар печёт,
Мужичков равно.

Староста надумался:
«Молоти дружней!»
Баб и девок пот прошиб,
Мужичков сильней...

На гумне-то стон стоит,
Весело гумно:
По́том обливается
Каждое зерно.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо веет
Тёплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

Окаймлённое кустами
Молодых ракит,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт.

Вот один взмахнул лениво
Крыльями, — и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к ракитам лодку,
Мужички вдвоём,
Близ осоки втихомолку
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льётся,
И лицо горит;
Звучно смех их раздаётся,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегóнки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг. —
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щук».

Вот на береге отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!»

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денёк!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок...

НА ПЕПЕЛИЩЕ

На яблоне грустно кукушка кукует,
На камне мужик одиноко горюет;
У ног его кучами пепел лежит,
Над пеплом труба безобразно торчит.

В избитых лаптишках, в рубашке дырявой
Сидит он, поник головою кудрявой,
Поник горемычный от дум и забот,
И солнце открытую голову жжёт.

Не год и не два он терял свою силу:
На пашне он клал её, будто в могилу,
Он клал её дома, с цепом на гумне,
Безропотно клал на чужой стороне.

Весь век свой работал без счастья, без доли,
Росли на широких ладонях мозоли,
И трескалась кожа... да что за беда!
Уж, видно, не жить мужику без труда.

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и в поле другая ходила,
Тупилось железо, стирался сошник,
И только выдерживал пахарь-мужик.

Просил, безответный, не счастья у неба,
Но хлеба насущного, чёрного хлеба;
Подкралась беда, всё метлой подмела, —
У пахаря нет ни двора, ни кола.

Крепись, горемычный! Не гнись от удара!
Всё вынесло сердце: и ужас пожара,
И матери старой пронзительный стон
В то время, как в по́лымя кинулся он

И выхватил сына, что спал в колыбели;
За ним по следам потолки загремели...
Пускай догорают!.. Мужик опалён
И нищий теперь, да ребёнок спасён.

* * *

По всей сте́пи — ковыль, по краям — всё туман.
Далеко, далеко от кургана курган;
Облака в синеве белым стадом плывут,
Журавли в облаках перекличку ведут.
Не видать ни души. Тонет в золоте день,
Пробежать по траве ветру сонному лень.
А цветы-то, цветы! Как живые стоят,
Улыбаются, глазки на солнце глядят,
Словно речи ведут, как их жизнь коротка,
Коротка, да без слёз, от забот далека.
Вот и речка... Не верь! То под жгучим лучом
Отливается тонкий ковыль серебром.
Высоко, высоко в небе точка дрожит,
Колокольчик весёлый над степью звенит.
В ковыле гудове́нь — и поют и жужжат,
Раздаются свистки, молоточки стучат;
Средь дорожки глухой пыль столбом поднялась,
Закружилась, в широкую степь понеслась...
На все стороны путь: ни лесочка, ни гор!
Необъятная гладь! Неоглядный простор!

* * *

Настала осень. Скучен город.
Дожди, туманы, резкий холод,
Ночь чёрная и серый день —
И по нужде покинуть лень
Свой тёплый угол. Вечерами
Вороны, галки над садами
Кричат, сбираясь на ночлег.
Порой, нежданный, мокрый снег
Кружится, кровли покрывает,
К лицу и платью пристаёт,
И снова мелкий дождь пойдёт,
И ветер свистом досаждает.
Куда ни глянешь — ручейки
Да грязь и лужи. Окна плачут,
И, морщась, пешеходы прячут
Свои носы в воротники.

ВЫЕЗД ЯМЩИКА

Ну, кажись, я готов:
Вот мой кафтанишко,
Рукавицы на мне,
Новый кнут под мышкой...

Слышь, жена! Погляди,
Каковы уздечки!
Вишь, вот медный набор,
Вот мохры, колечки.

А дуга-то, дуга —
В золоте сияет...
Прр... шалишь, коренной!
Знай песок копает!

Ты, дружок, не блажи;
Старость твою жалко!..
Так кнутом проучу —
Станет небу жарко!..

Сидор вожжи возьмёт —
Чёрта не боится!
Пролетит — на него
Облачко дивится!

Только крикнет: «Ну, ну!
Эх ты, беззаботный!»

Отстаёт позади
Ветер перелётный!

А седок-то мне — тьфу!
Коли скажет: «Легче!»
Нет, мол, сел, так сиди
Да держись покрепче.

Уж у нас, коли лень, —
День и ночь спим сряду;
Коли пир — наповал,
Труд — так до упаду;

Коли ехать, — катай!
Головы не жалко!
Нам без света светло,
Без дороги — гладко!

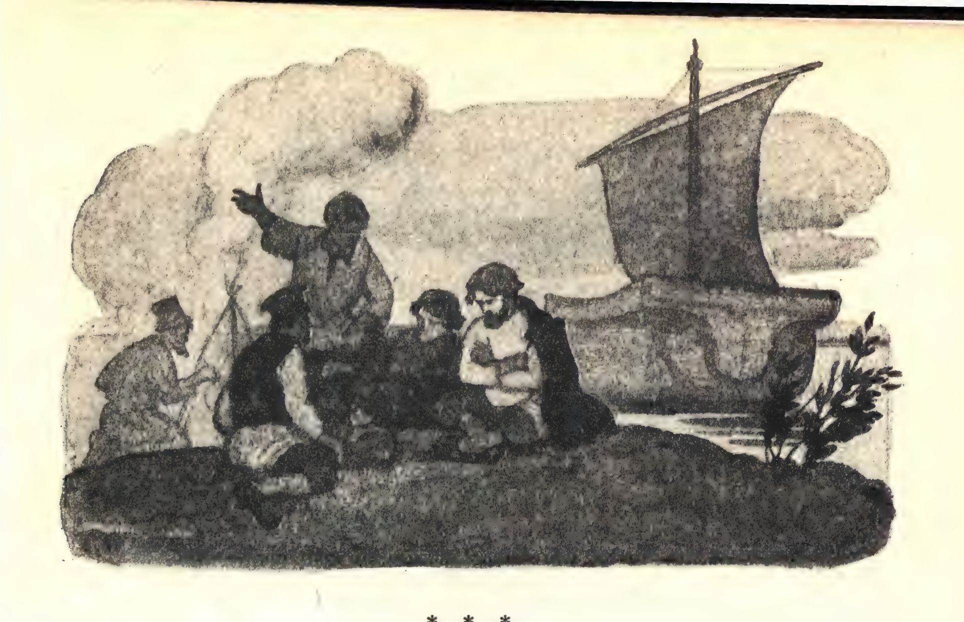

Ну, Матрёна, прощай!
Оставайся с богом;
Жди обновки себе
Да гляди за домом.

Да кобыле больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, в путь! Шевелись!
Эх, как понеслися!
Берегись ты, мужик,
Глух, что ль?.. Берегися!..

* * *

Одеты серые луга туманом;
То дождь польёт, то снег летит.
И глушь и дичь. На берегу песчаном
Угрюмо тёмный лес стоит.

Дождю навстречу, мерными шагами,
Под лямкой бурлаки идут
И тянут барку крепкими плечами —
Слабеть канату не дают.

Их ноги грязью до колен покрыты,
Шапчонки лезут на глаза,
Потёрлось платье, лапти поизбиты,
От поту взмокли волоса.

«Бери причал! Живее! Что ль, заснули!» —
Продрогший кормчий закричал.
И бурлаки верёвки натянули, —
И барка стала на привал.

Огонь зажжён; дым в клочьях улетает;
Несутся быстро облака,
И ветром барку на волнах качает,
И плещет на́ берег река.

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворе и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!..

ЖИЗНЬ

Жизнь раскинулась вольною степью...
Поезжай, да гляди — не плошай!
За холмов зеленеющей цепью
Ты покоя найти не желай.

Хорошо под грозою-метелью,
Хорошо под дождём проливным
По степям, в бесконечном веселье,
Тройкой бешеной мчаться по ним!

Ну ж, ямщик! Пристегни коренную,
Что насупился? Вдаль погляди!
Что за ширь! Ну-ка песню родную,
Чтобы сердце заныло в груди,

Чтобы вышли проклятые слёзы,
Те, что гнётом легли над душой,
Чтобы вдаль, под небесные грозы,
Нам лететь бесконечно с тобой.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Иван Саввич Никитин

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Ответственный редактор
Н. М. Кожемякина

Художественный редактор
Т. М. Токарева

Технический редактор
Л. П. Костикова

Корректор
К. И. Каревская

Сдано в набор 15/III 1974 г. Подписано к печати 8/VII 1974 г. Формат 60×90[1]/16. Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,14. Тираж 750 000 экз. Заказ № 970. Цена 9 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Никитин И. С.

Н62 Гнездо ласточки. Стихи. Рис. А. Парамонова. М., «Дет. лит.», 1974.

47 с. с ил. (Книга за книгой).

Замечательный русский поэт И. С. Никитин (1824—1861) посвятил прекрасные, задушевные стихи родной природе и простому человеку: пахарю, дворовому, извозчику, пряхе, городскому ремесленнику — всем тем, кто до изнеможения работал, но оставался голодным и бесправным.

Р1

9 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1974 году в серии „Книга за книгой"
для школьников младшего возраста
выходят следующие произведения
русских писателей-классиков и фольклора:

Дмитриева В. МАЛЫШ И ЖУЧКА.

Рассказ

Мамин-Сибиряк Д. СКАЗОЧКА ПРО КОЗЯВОЧКУ.

Сказки

МОРГУНОВ ПАДУН.

Предания о мужественных людях

Пушкин А. СКАЗКИ.

Скворцов-Степанов И. ТОРБЕЕВСКИЙ ИДОЛ.

Рассказ.

Ребята, прочтите эти книги!